

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона В. Р. Розена.

ТОМЪ IX.

ВЫПУСКИ I—IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВОСЬМИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1896.

Буддiйскія легенды и буддизмъ.

Религіозная проповѣдь обращается къ двоякаго рода слушателямъ: однимъ нужно религіозно-философское выраженіе для смутныхъ бродящихъ въ ихъ душахъ обрывковъ міровоззрѣнія — для нихъ стройная система догматовъ и каноны церкви; другимъ нуженъ простой непосредственный отвѣтъ зачѣмъ жить, чтò дѣлать для того чтобы сподобиться того блаженства, котораго жаждетъ ихъ душа среди тяготъ и горестей жизни—для нихъ благочестивое житіе, трогательная легенда. До пзвѣстной конечно степени и то и другое теченіе сливаются и соприкасаются, но все же въ общемъ они должны быть противопоставлены другъ другу и легенда, даже введенная въ канонъ, выражаетъ свою повѣствовательную формою жизненнаго наблюденія противовѣсъ догматическому утвержденію. И легенды такимъ образомъ для историка религіи получаютъ особое значеніе: онъ видитъ въ нихъ не просто памятники повѣствовательной литературы, а памятники литературы духовной, въ которыхъ выразились религіозные, мистическіе и этические идеалы народа, произведенія, въ которыя онъ внесъ свои объясненія и толкованія религіозныхъ догматовъ и предписаній церкви, — въ нихъ масса вѣрующихъ, простыхъ, нищихъ духомъ, выразила свою религію.

За шестьсотъ приблизительно лѣтъ до Р. Хр. Индія представляетъ намъ картину оживленной, интенсивной религіозной жизни. Ведическій періодъ въ своихъ главныхъ чертахъ законченъ, ведическіе гимны и общпрныя старинныя толкованія на нихъ уже доступны пониманію тѣхъ только, кто изучаетъ ихъ подъ руководствомъ учителей, хранящихъ древнее преданіе, потому что и языкъ и мысли этихъ священныхъ книгъ непонятны новымъ поколѣніямъ. Натуралистическая религія первыхъ аріійскихъ при-

шельцевъ уже давно видопзмѣнилась, касты сложились въ прочную организацію, брахманы, эти земные боги, какъ они сами себя называли, опутали всю жизнь сложною обрядностью, которая старалась задушить всякое проявленіе философской или религіозной мысли.

Но мысль эта пробивалась всюду, на каждомъ шагу разумъ боролся съ слѣпою вѣрою. По всей Индіи стали ходить проповѣдники самыхъ разнообразныхъ ученій, пренебрегавшіе обрядами и брахманской ученостью; они подняли борьбу противъ брахманства, того жречества, которое стало между богами и людьми. Въ этой борьбѣ кромѣ доводовъ разсудка они могли опираться на цѣлую литературу старыхъ преданій, такъ называемыхъ *итихаса* и *пурана*, повѣствованій которыхъ о старинныхъ отшельникахъ и святыхъ часто рѣзко расходились съ тѣмъ, что проповѣдывали брахманы. Въ этихъ старинныхъ повѣстьяхъ слушатель могъ найти рассказы про людей, передъ могучей волей которыхъ трепетали и брахманы и даже боги; они конечно не разъ слышали нѣсни про царя отшельника, который покорилъ волѣ своей боговъ — они не хотѣли снискать къ его жертвоприношеніямъ и онъ воскликнулъ, что создастъ новое небо и новыхъ боговъ, если старые не вонмутъ ему и — боги преклонились передъ волей человѣка. Личность человѣческая, это я, воля котораго можетъ творить чудеса, выступаетъ впередъ все ярче и опредѣленнѣе. Въ отдѣльныхъ, избранныхъ умахъ, бессмертные памятники дѣятельности которыхъ сохранили намъ *упанишады*, эта мысль объ отдѣльномъ человѣческомъ я связалась съ вопросомъ о міровомъ я. Для нихъ боги, съ ихъ жертвами и жрецами, потеряли смыслъ, всѣ основные вопросы свелись къ вопросу объ отношеніи единичнаго я къ міровому.

Среди этихъ новыхъ теченій, въ корень переродившихъ старую ведическую религію, явился буддизмъ, которому суждено было слить въ себѣ всѣ эти разнообразныя теченія, дать имъ яркое выраженіе, распространить индійскія идеи далеко за предѣлами Индіи, стать въ ряды міровыхъ религій, имѣть внѣ своего отечества сотни милліоновъ послѣдователей и медленно угаснуть на своей родинѣ, незамѣтно растворившись въ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ — въ брахманствѣ.

Буддійскія легенды, при постоянномъ сравненіи ихъ съ буддійскими догматами, ясно покажутъ намъ, какъ буддизмъ, попытавшись выступить въ борьбу противъ брахманской церковности и обрядности, весьма быстро перешелъ къ тому, противъ чего онъ боролся — онъ создалъ церковь, которая неминуемо связала его съ обрядностью. Эта организація конечно на время упрочила его положеніе и дала ему возможность быстро распространиться, такъ какъ буддизмъ вполне обладалъ тою необходимою для прозелитизма

опредѣленностью, которой не было въ брахманствѣ. Эта опредѣленность въ догматахъ, выведшая его далеко за предѣлы Индіи и была причиною его гибели на родинѣ. Индіецъ, въ дѣлѣ вѣры неустанно ищущій новыхъ и лучшихъ формъ, долженъ былъ неминуемо отвернуться отъ религіи, которая, усвоивъ себѣ всю, давившую мірянъ своимъ авторитетомъ, церковную организацію брахманства, въ области вѣры ставила его тоже въ строго опредѣленныя рамки, въ то время какъ брахманство съ удивительной широтою взгляда принимало на лоно свое всякую вѣру, лишь бы она соглашалась признать нѣкоторыя, въ сущности дорогія сердцу всякаго индійца, общественныя установленія въ родѣ касты.

Для того, чтобы вкратцѣ рассмотреть всю совокупность буддизма и убѣдиться въ томъ, что легенды открываютъ въ немъ стороны совсѣмъ новые, чѣмъ тѣ, которыя мы знаемъ изъ его догматовъ, мы представимъ въ послѣдовательной связи три части буддійской троицы: будду, законъ и общину сперва такъ, какъ ихъ знаетъ догматика, а затѣмъ такъ, какъ рисуютъ ихъ намъ легенды.

Что-же такое будда въ догматикѣ? Это человѣкъ, который въ длинномъ рядѣ перерожденій постоянно увеличивалъ количество своихъ добрыхъ дѣлъ, принявъ рѣшеніе спасти людей изъ мрака грѣха и невѣдѣнія. Въ послѣдней земной жизни онъ достигаетъ пониманія высшей истины и проповѣдуетъ міру истинную вѣру — истинный законъ. Давъ міру вѣру, онъ умираетъ и вступаетъ въ нирвану. Число буддъ неограничено, такъ какъ черезъ извѣстные промежутки времени истинная вѣра забывается и міръ пребываетъ во тьмѣ невѣдѣнія и нуженъ новый будда, чтобы вновь внести въ міръ вѣру.

Этотъ величавый, но вмѣстѣ съ тѣмъ блѣдный и холодный образъ міроваго наставника не могъ конечно удовлетворить сердца людей, которые вѣрили въ могучаго Индру, побѣдителя Асуровъ, въ бога-воина Кришну, владѣтеля волшебнаго города Дваравати, во весь сложный и красивый пантеонъ брахманскихъ боговъ. Неужели же тотъ, кому они подчинили всѣхъ этихъ могучихъ боговъ, просто странствующій монахъ, хотя бы и *кшатрій*?

Нѣтъ, онъ будетъ царскій сынъ, которому предстоитъ міродержавная власть, онъ родится чудеснымъ образомъ, онъ будетъ ходить и говорить тотчасъ послѣ рожденія, за каждымъ шагомъ его будутъ слѣдить боги и служить ему. И онъ, которому будетъ предоставлено все, чего можетъ пожелать человѣкъ на землѣ, презрять всѣ блага земныя; онъ покинетъ царскіе чертоги, покинетъ любимую жену, малютку сына и уйдетъ въ пустыню ищущимъ бродягою — чтобы найти истину, чтобы спасти людей отъ безконечности бытія. И въ пустынѣ ему предстанетъ злой духъ и будетъ иску-

шать и соблазнять его всёми, что составляет счастье людское, онъ будетъ устрашать его всяческими ужасами, но напрасно; царевичъ отвѣтитъ ему: «лучше умереть въ борьбѣ, чѣмъ жить побѣжденнымъ» и искуситель исчезнетъ. И при ликованіи всей вселенной царевичъ станетъ всесовершеннымъ Буддою; тотъ кто не захотѣлъ быть царемъ міродержцемъ, сталъ выше всѣхъ царей, выше всѣхъ боговъ — онъ сталъ спасителемъ міра. И долгую земную жизнь онъ посвятитъ на проповѣдь истины, обращая людей на путь, создавая общину, которая станетъ общиною четырехъ странъ свѣта и объединитъ одною вѣрою и индійца, и грека, и китаецъ, и перса. Онъ умретъ, и земля и небо содрогнутся, вселенная будетъ полна скорби о немъ и всюду гдѣ только найдутся вѣрующіе въ ученіе Вѣщаго — Будды воздвигнутся величавыя ступы, напоминающія о всѣхъ событіяхъ изъ жизни учителя.

Но въ то время, какъ ревнители ученія будутъ обращать все свои помыслы на ученіе Будды и будутъ свято чтить память отошедшаго въ нирвану учителя, вѣрующіе изъ толпы стануть охладѣвать къ нему — нирвана имъ мало понятна, и учитель, о которомъ его ученики еще спорятъ, существуетъ ли онъ или нѣтъ послѣ нирваны, мало говорятъ ихъ уму и сердцу — имъ нуженъ нѣкто болѣе близкій, болѣе живой. Будда Шакіямуні, окруженный ореоломъ святости и величія долженъ уступить мѣсто новому буддѣ, который на небесахъ готовится къ послѣднему своему перерожденію на землѣ, буддѣ Майтреѣ; рядомъ съ нимъ возникаютъ на почвѣ старой брахманской мнѳологіи новые спасители, почти боги: одиннадцатиплкій, тысячерукій Авалокитешвара, сладкогласный, премудрый Манджушри, владыка западнаго рая Амитабха. Къ нимъ обращаются восторженные молитвенныя вѣспѣванія вѣрующихъ; они уже не учителя, а чудотворцы, слово ихъ не слово поученія, которое долженъ воспринять и усвоить пытливый умъ, а слово милосердія и любви, которое въ сердцахъ людей поднимаетъ вѣру, горячую, безусловную.

Послушайте, что говорятъ гимнъ Авалокитешварѣ: «Если человѣкъ упадетъ въ огонь, пусть онъ вспомнить объ Авалокитешварѣ и огонь потухнетъ. Если человѣкъ въ оковахъ, пусть онъ вспомнить объ Авалокитешварѣ и оковы спадутъ. Если человѣкъ окруженъ врагами, которые уже подняли мечи свои, чтобы сразить его, пусть онъ вспомнить объ Авалокитешварѣ и враги эти тотчасъ стануть ему друзьями.... въ часъ смерти, въ часъ бѣды онъ вѣрный покровитель, вѣрное прибіжище».

Амитабха каждый день напоминаетъ вѣрующимъ о своемъ раѣ: когда вечеромъ, при закатѣ солнца, небо на западѣ покрывается золотистымъ блескомъ, вы видите передъ собою златыя врата рая Амитабхи, который

носптъ названіе «Блаженный» (Сукхавати). И этотъ «Блаженный» рай открытъ для того, кто увѣровалъ всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ.

Какая пропасть между этими вѣрованіями и простымъ представленіемъ объ учителѣ — Буддѣ! Между тѣмъ несомнѣнно, что когда въ однихъ кругахъ безусловно не шли дальше простаго, только что указаннаго догматическаго представленія о Буддѣ и только ставили вопросъ о томъ, считать ли Будду существующимъ или несуществующимъ послѣ нирваны, въ другихъ кругахъ создавался цѣлый пантеонъ буддъ и бодисатвъ, которые должны были замѣнить собою утраченныхъ боговъ, отъ которыхъ большинство вѣрующихъ отказаться не могло.

Такая огромная разница волиѣ понятна: одни искали въ Буддѣ только учителя, указавшаго имъ путь, по которому идти для достиженія освобожденія отъ узъ бытія; они чтутъ благоговѣнно память умершаго учителя, но къ этимъ воспоминаніямъ лишь въ весьма слабой мѣрѣ примѣшьяются представленія о необходимости культа, который въ ихъ глазахъ играетъ совершенно подчиненную роль; другіе искали себѣ съ сущности новыхъ боговъ, разочаровавшись въ старыхъ; со смертію своею, которая признавалась всѣмъ, Будда терялъ для нихъ въ значительной мѣрѣ свое значеніе и они поспѣшили перенести свое поклоненіе на другихъ лицъ, позаботившись окружить ихъ ореоломъ старыхъ боговъ.

Послѣ будды въ буддійской троицѣ слѣдуетъ непосредственно законъ, т. е. ученіе будды. Мы не можемъ конечно остановиться здѣсь на всемъ ученіи въ полномъ его развитіи, но мы возьмемъ изъ него то, что намъ кажется самымъ характернымъ; такимъ выраженіемъ сущности буддійскаго ученія слѣдуетъ конечно считать четыре святыя истины, предметъ первой проповѣди Будды въ священномъ городѣ Бенаресѣ. Четыре святыя истины гласятъ такъ: 1. существованіе есть страданіе, 2. источникъ существованія — жажда жизни, 3. уничтоженіемъ жажды жизни уничтожается и существованіе, 4. жажда жизни уничтожается выступленіемъ на *путь*, который состоитъ изъ восьми частей: истинной вѣры, истинныхъ стремленій, правдивой рѣчи, добраго поведенія, честнаго способа добыванія средствъ къ жизни, истиннаго старанія, вѣрной памяти, истиннаго размышленія. Въ связи съ вопросомъ бытія и постоянныхъ перерожденій стоялъ вопросъ о человѣческомъ я, о томъ, что же собственно переходитъ изъ одной жизни въ другую? Буддизмъ не могъ признать существованія души какъ того начала, которое сохранялось при перерожденіяхъ, потому что это значило бы признать въ человѣкѣ нѣчто вѣчное, т. е. не подлежащее уничтоженію, а тогда прекращалась возможность уничтоженія бытія, которое было основнымъ источникомъ скорби. Но, отрицая душу, буддизмъ долженъ былъ на ея мѣсто

поставить нѣчто, что бы объединяло тѣ агрегаты, изъ которыхъ составлялся человѣкъ и которые уничтожались съ каждою смертію, которые измѣнялись даже каждое мгновеніе жизни человѣка; буддизмъ такимъ объединительнымъ началомъ сдѣлалъ *карма*, т. е. результатъ поведенія человѣка, въ зависимости отъ котораго во всякой новой жизни человѣкъ являлся составленнымъ изъ тѣхъ или другихъ агрегатовъ. Это *карма* не могло быть вѣчнымъ, потому что зависѣло отъ тяготѣнія человѣка къ бытію; при уничтоженіи этого тяготѣнія и *карма* не могло болѣе существовать и для человѣка являлась возможность избавленія. Наряду съ вопросомъ о душѣ въ догматикѣ виднѣйшія мѣста еще занималъ вопросъ о святомъ, т. е. о человѣкѣ, достигшемъ до той ступени отрѣшенія отъ міра, которая дѣлала ему доступнымъ избавленіе, вопросъ о буддѣ и его существованіи послѣ нирваны, вопросъ о промежуточномъ состояніи, т. е. о томъ, есть ли промежуточное состояніе между одною жизнью и другою, чтобы назвать только важнѣйшіе. Вопросы этическихъ, связанные съ вопросомъ о пути, котораго долженъ держаться вѣрующій буддистъ, играютъ въ догматикѣ какъ-то подчиненную роль. Выставляются пять заповѣдей: не убивай, не кради, не лги, не пей, не прелюбодѣйствуй, вырабатываются разныя правила жизни, главнымъ образомъ для монаховъ, но чувствуется, что подобные вопросы играютъ подчиненную роль: на первомъ планѣ, какъ мы уже указали, вопросы о сущности бытія и отношенія человѣка къ нему.

Совсѣмъ иное находимъ мы въ той вѣрѣ массы, которую рисуютъ намъ легенды. Вопросовъ о душѣ, объ агрегатахъ, о буддѣ, о святомъ, мы здѣсь не находимъ: скорбь бытія признана и признано, что есть избавленіе, признано и то, что путь къ этому избавленію лежитъ въ значительной мѣрѣ въ нравственномъ совершенствованіи человѣка, на эту почву главнымъ образомъ и переносится все. Скорбь бытія и стремленіе отрѣшиться отъ любви къ жизни мотивъ постоянно повторяющійся въ легендахъ; мы позволимъ себѣ привести одинъ короткій отрывокъ, который ярко отражаетъ это настроеніе.

«Крестьянинъ и его сынъ пахали вмѣстѣ на полѣ; змѣя укусила юношу и онъ умеръ — отецъ не обратилъ вниманія на смерть сына и продолжалъ работать. Мимо проходилъ брахманъ и спросилъ, «чей это юноша»? «Мой сынъ», отвѣтилъ крестьянинъ. «Какъ же ты не оплакиваешь его»? «Человѣкъ, рождаясь уже дѣлаетъ первый шагъ къ смерти... скорбь и слезы не помогутъ умершимъ», такъ отвѣтилъ отецъ и никто изъ семьи не оплакалъ умершаго: мать сказала: «жизнь — гостинница, сегодня пришелъ человѣкъ, завтра уйдетъ»; сестра сказала: «люди подобны бревнамъ плота, плывущаго по морю — пришла буря, разбила плотъ, разогнала по морю бревна, и имъ

уже никогда не встрѣтятся — на мгновеніе люди сходятся, разстаются навсегда»; жена сказала: «двѣ птички летали вмѣстѣ цѣлый день и на вечеръ сѣли отдохнуть на ту же вѣтку, утромъ онѣ вспорхнули, можетъ быть онѣ опять встрѣтятся, а можетъ быть и нѣтъ».

Подобныхъ легендъ можно привести не мало; въ нихъ всѣхъ отразилась та постоянная боязнь страданія, которая заставляетъ буддиста уходить отъ всего, что есть жизнь, такъ какъ все, что связано съ жизнью, связано со страданіемъ, а это страданіе для него не есть страданіе одной жизни, отъ котораго смерть есть избавленіе, это вѣчное, безконечное страданіе, изъ котораго нѣтъ иного выхода, какъ полный разрывъ съ привязанностью ко всяческому существованію. Несмотря однако на такое глубоко пессимистическое отношеніе къ жизни легенды охотно останавливаются на картинахъ житейскаго счастья, и награды за добрыя дѣла и наказанія за дурныя носятъ обыкновенно чисто матеріальный характеръ.

Въ то время, такимъ образомъ, когда догматы почти исключительно обращаются къ вопросу о спасеніи, вѣрованія массы обходятъ конечные вопросы и касаются главнымъ образомъ этической, непосредственной стороны дѣла; мы уже раньше видѣли, что и относительно Будды, масса остановилась главнымъ образомъ на тѣхъ сторонахъ его, которыя позволили сперва создать образъ міроваго спасителя, затѣмъ цѣлый рядъ такихъ же спасителей и, при посредствѣ одного изъ нихъ, даже создать рай. Съ этими стремленіями конечно ближе всего связывались вопросы этические, стоявшіе въ тѣсной связи съ вопросами о возмездіи. На этой почвѣ вѣрующимъ пришлось столкнуться съ третьимъ лицомъ буддійской троицы, съ общиной.

Не менѣе рѣзко, чѣмъ при буддѣ и его ученіи выступаетъ и здѣсь разнница между церковнымъ ученіемъ и благочестивою легендою, когда мы обратимся къ этой послѣдней части буддійской троицы. По церковному ученію община есть хранительница закона, наставница и руководительница на трудномъ жизненномъ пути. Для нея существуетъ обширный кодексъ правилъ, гдѣ малѣйшіе проступки предвидѣны, гдѣ вся жизнь общины систематически разбита по рубрикамъ, и община эта есть община нищихъ. Таковою она является въ первые времена буддизма, затѣмъ постепенно, при помощи разныхъ условныхъ толкованій первоначальныхъ правилъ, община получаетъ право принимать всякіе дары и этимъ быстро мѣняется ея положеніе, она становится, говоря словами буддійскаго писанія, полемъ, на которомъ сѣются приношенія, приношенія эти засчитываются вѣрующимъ за добрыя дѣла и благодаря имъ они послѣ смерти щедро награж-

даются перерожденіями въ мирахъ боговъ или новыми счастливыми жизнями на землѣ.

Этой идеальной общины, о которой говоритъ ученіе и которую оно ставитъ на равнѣ съ буддою и его закономъ, какъ предметъ почитанія вѣрующихъ, мы почти не находимъ въ легендахъ. Въмѣсто нищаго мудреца, всѣ помыслы отдающаго на совершенствованіе себя и на помощь ближнимъ, какимъ, по слову закона, долженъ быть монахъ, мы встрѣчаемъ прежняго жреца, который только служитъ не богамъ какъ прежде, а самому себѣ, своей братіи, своему монастырю. Еще рѣзче, еще грубѣе, чѣмъ старые жрецы, монахи ставятъ себя въ исключительное положеніе раздавателей милостей и наказаній. Вглядѣвшись въ эти сотни легендъ, изъ которыхъ многія приняты въ канонъ, мы увидимъ, какъ онѣ всѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что мысль учителя избавить народъ отъ жреческихъ узъ и поставить его самостоятельнѣе въ дѣлѣ вѣры, была въ корень искажена. Все почти свелось къ простой формулѣ: «давайте монахамъ и вы получите блаженство, а будете скупиться на дары общинѣ, васъ ждутъ адскія мученія». Я позволю себѣ привести здѣсь одну краткую легенду, которая иллюстрируетъ мои слова.

1. «Днемъ къ монаху, вышедшему изъ монастыря и сплывшему на берегу Ганга, подошла уродливая, страшная на видъ петіі.
2. Волосы ея, чрезмѣрно длинные, свѣсались до земли, волосами покрытая она сказала монаху:
3. «Пятьдесятъ шесть лѣтъ какъ я умерла и не знаю ни пищи, ни питья, ни воды, дай мнѣ о почтенный, воды, жажда воды у меня».
4. «Вотъ стекаетъ съ Гималая Ганга съ студеной водою, пей, взявъ оттуда; отчего ты у меня просишь воды?»
5. «Если я, почтенный, сама возьму воды въ Гангѣ, въ кровь для меня она обратится, оттого я прошу воды».
6. «Какой же грѣхъ содѣланъ тобою тѣломъ, рѣчью, помышленіемъ, въ возмездіе за какое дѣло Ганга для тебя становится кровью?»
7. «Былъ у меня, почтенный, сынъ Уттара, вѣрующій мірянинъ, онъ противъ моей воли монахамъ давалъ платье, пищу, содержаніе, сѣдалище и ложе.
8. Его я бранила скупостью одолѣваемая: то, что противъ моей воли даешь монахамъ,
9. платье, пищу, содержаніе, ложе и сѣдалище—это пусть для тебя въ другомъ мѣстѣ, Уттара, кровью сдѣлается; въ возмездіе за это дѣло Ганга для меня становится кровью».

Исходъ пзъ этого положенія одинъ: дайте дары монахамъ и несчастное существо, столь жестоко страдающее въ мытарствахъ, не только получить успокоеніе, но даже сподобится небснаго блаженства.

Сила, которую такимъ образомъ получила община, была однако вмѣстѣ съ тѣмъ причиною ея гибели: старой кастовой организаціи община противопоставила свою, основанную на принадлежности къ одной вѣрѣ, но при этомъ она впала въ ошибку, гибельную для всякой религіи въ Индіи, въ нетерпимость, признавъ себя единымъ путемъ, ведущимъ къ спасенію. Между тѣмъ религіозная терпимость была всегда основнымъ элементомъ индійской жизни.

Буддійская церковь, пзмѣнившая своему принципу быть наставницей, руководительницей народа и пожелавшая замѣнить собою его жрецовъ, неминуемо должна была уступить тѣмъ, кто за тысячелѣтіе до нея уже были жрецами индійскаго народа — брахманамъ. И отъ буддизма въ Индіи остался лишь развалины нѣкогда вѣликолѣпныхъ храмовъ, и лики его учителей и святыхъ, принимаемые за брахманскихъ боговъ, служатъ нынѣ предметомъ поклоненія толпы, нпкогда и не слышавшей священнаго имени Будды.

С. Ольденбургъ.